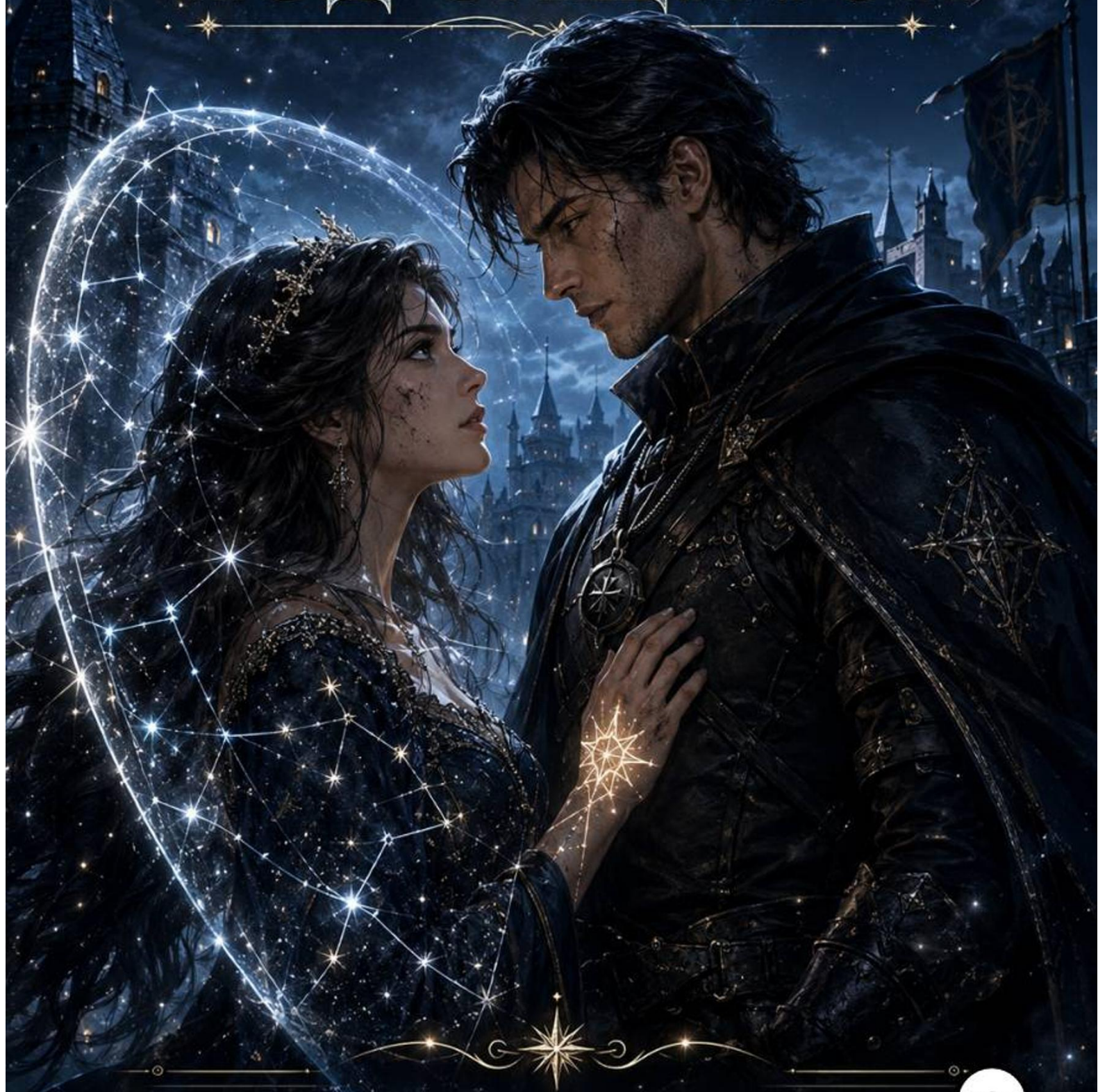

ЗВЕЗДЫ ПОД ЗАЩИТОЙ

АЛЕКС СЕРЕБРОВ

18+

Алекс Серебров

Звезды под защитой

«Автор»

2026

Серебров А.

Звезды под защитой / А. Серебров — «Автор», 2026

Принцесса Илана всю жизнь слышала, что её двойной звёздный дар способен закончить войну. Обычно после таких слов от неё ждали покорности и статуса послушного оружия. Но когда на мирную делегацию нападают неизвестные, Илана попадает под охрану Дамиана вор-Крэйга — командующего Северным альянсом, которого на Юге считают безжалостным чудовищем. Он утверждает, что нападение устроили предатели из окружения её отца. Отпустить Илану он не может. Удерживать силой — тоже, если хочет добиться её помощи. Временная защитная связь, фиктивная помолвка и один чрезвычайно несговорчивый «жених» должны дать им время найти заговорщиков. Но полное звёздное затмение всё ближе, а древний магический Орден уже готовится превратить солдат обеих стран в беспрекословную армию. Илане предстоит доказать, что она не оружие. Дамиану — научиться защищать, не присваивая. А обоим — решить, что опаснее: чужой приказ или чувство, которое невозможно объяснить магией.

© Серебров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Звезды под защитой

Глава 1

Илана

Первый арбалетный болт вошёл в дверцу кареты как раз тогда, когда моя личная архивистка Лия заявила, что хуже дипломатического завтрака ничего быть не может.

— Беру свои слова обратно, — сообщила она, разглядывая дрожащее древко в ладони от собственного носа. — Но только на сегодня.

Второй болт пробил окно.

Я успела пригнуться. Стекло осыпало сиденье, лошадей впереди повело в сторону, и карета накренилась так резко, что Лия свалилась мне на колени вместе с дорожной сумкой и папкой зашифрованных документов.

Документы содержали предложения о перемирии между Эларой и Северным альянсом. Я, наследная принцесса Элары, должна была доставить их в пограничную крепость и убедить северян, что семь лет войны — более чем достаточно.

Пока дипломатическая миссия развивалась не вполне по плану.

Снаружи закричали.

— Под сиденье, — приказала я.

— Я архивист, а не багаж.

— Сегодня придётся расширить обязанности.

Я толкнула дверцу. Та не поддавалась: первый болт прошил дерево и застрял в раме. Пришлось ударить плечом. С третьей попытки дверь распахнулась, и внутрь ворвался утренний воздух — холодный, сырой, пропахший лошадиным потом, дымом и мокрым камнем.

Перевал Трёх Ветров оправдывал своё название с раздражающим усердием. Между серыми склонами метался ветер, трепал бело-золотые знамёна Элары и разносил по дороге крики.

Передняя повозка перегородила путь. Одна лошадь лежала в упряжи, вторая билась, пытаясь освободиться. За каменной грядой вспыхивали синие плащи Северного альянса.

Северяне.

По крайней мере, нападавшие очень старались ими выглядеть.

— Ваше высочество! Оставайтесь в карете! — капитан охраны бросился ко мне.

За его спиной поднялся человек в северном шлеме. Я увидела арбалет раньше капитана.

Золотой сигил Серы под моей левой ключицей вспыхнул теплом.

Сигилами называли звёздные метки, которые проявлялись у одарённых в юности. Каждый знак связывал человека с одной из покровительствующих звёзд и давал силу определённого рода. Сера отвечала за Сохранение: щиты, укрепление и защиту того, что ещё не было окончательно разрушено.

Я ухватила за старую охранную печать на дверце кареты и пропустила через неё силу.

Золотая сетка развернулась между нами за миг до выстрела.

Болт ударил в неё и отлетел. Капитан обернулся, не сразу поняв, почему ещё жив.

— Позже поблагодарите, — сказала я. — Желательно с безопасного расстояния.

Он выругался и поднял меч.

Я выбралась из кареты. Дрожащая золотая дуга закрывала дверцу, Лию и двух раненых стражников. Держать её было несложно. Гораздо труднее было не смотреть на правое запястье, где под перчаткой уже нагревался второй сигил.

Нокс.

Знак Разрыва.

О существовании второго сигила знали отец, дворцовый лекарь и ещё несколько человек, слишком хорошо умевших хранить государственные тайны. Для всех остальных наследная принцесса Элары была благословлена Серой и годилась прежде всего для защитных ритуалов.

Так было спокойнее.

Нокс не защищал. Он разрывал магические связи, печати и заклинания. Если ошибиться слоём или давить вслепую, можно было повредить чужую магическую структуру — вплоть до врождённого сигила.

Поэтому я предпочитала не проверять пределы его возможностей в окружении собственной делегации.

— Илана! — Лия высунулась из кареты. — Слева!

Двое в синих плащах спускались по склону к задней повозке, где ехали писари и лекарь. Они двигались одинаково: одновременно ставили ноги, поворачивали головы и поднимали оружие.

На шеях у обоих мерцали военные печати присяги — служебные метки, которые солдат принимал добровольно при вступлении в армию. От печатей тянулись тонкие тёмные нити и сходились где-то за каменной грядой.

Люди двигались не как отряд.

Как пальцы одной руки.

Кто-то управлял ими через эти печати.

Военные печати создавались для связи и координации, но не для подчинения воли. Наложение внешнего командного слоя считалось запрещённым и на Севере, и в Эларе.

Запрет, судя по происходящему, кого-то не убедил.

— Капитан! — крикнула я. — Не бейте по меткам! Людей держит связка!

Он либо не услышал, либо сделал вид. Принцессы на поле боя считались разновидностью плохой погоды: спорить бессмысленно, выполнять советы необязательно.

Капитан ударил ближайшего противника в плечо. Тот даже не вскрикнул. Повернулся и снова поднял клинок, будто боль была замечанием, которое можно оставить без ответа.

За грядой кто-то дёрнул связку.

Все нападавшие одновременно развернулись к карете.

Ко мне.

— Вот теперь действительно под сиденье, — сказала Лия и схватила меня за рукав.

— Поздно. Я уже расширила обязанности.

Сера удерживала щит. Нокс мог разрезать тёмные нити.

Проблема заключалась в том, что два сигила жили во мне так, словно никогда не встречались и не собирались учитывать чужое присутствие.

Я прикрыла глаза на один удар сердца.

Золотая основа щита ощущалась плотной, как натянутая нагретая ткань. Она держалась за металлическую пластину в дверце, целую часть деревянной рамы и мою левую ладонь.

Тёмная связка проходила поверх — чужая, тугая, питаемая человеком за грядой.

Нужно было сохранить щит и разорвать только приказ.

Задача выглядела почти разумной, если не учитывать летящие в нас болты.

Я раскрыла правую ладонь.

Сигил Нокса вспыхнул под перчаткой холодным белым светом. Боль прошла запястье до локтя. На мгновение перед глазами проступили магические связи: защита кареты, ремни упряжи, печати на оружии, звёздные метки людей.

И одна тёмная сеть, сходявшаяся за камнями.

Я нашла место, где чужой приказ касался военных сигилов.

И потянула.

Мир сопротивлялся.

Золотой щит задрожал. По нему побежали трещины света. Лия что-то крикнула, но ветер унёс слова. Пальцы правой руки свело, зато тёмные нити стали тоньше.

Ещё немного.

Я удержала Серу левой рукой и мысленно отрезала не людей, не их собственную силу — только чужую волю.

Связка лопнула.

Нападавшие остановились.

Один уронил меч. Второй согнулся, схватившись за шею. Третий снял шлем и ошеломлённо уставился на собственные руки. Несколько человек на склоне рухнули на колени, будто их разбудили посреди бега.

Золотой щит погас.

Я успела подумать, что результат получился даже удачным, прежде чем колени решили иначе.

Лия удержала меня на ногах, хотя сама была легче дорожного сундука и примерно так же приспособлена для переноски принцесс.

— Не смейте падать, — прошипела она. — Я не объясню королю, что уронила единственную наследницу.

— Скажи, что это сделал Север. Всем будет привычнее.

С задней повозки донёсся треск. Она съехала одним колесом в кювет, и тяжёлая рама придавила молодого стражника. Его товарищ пытался приподнять борт, но дерево только скрипело.

Я сделала шаг туда.

— Даже не думайте, — предупредила Лия.

— Уже поздно.

— У вас рука дрожит.

— Вторая пока проявляет завидное постоянство.

Сера откликнулась слабым теплом. Я не поднимала повозку — после Нокса сил на это всё равно не хватило бы. Только удержала надломленную раму от дальнейшего разрушения. Золотые линии прошли по дереву и стянули трещины.

Двое стражников вытащили товарища.

Я сразу отпустила силу.

Боль под левой ключицей стала острее. Зато рама не рухнула раненому на грудь. Для королевского отчёта это могло считаться разумным расходом магии. Для дворцового лекаря — поводом запереть меня в спальне на три дня и лично проверить все окна.

Освобождённые от связки люди приходили в себя по-разному. Кто-то бросил оружие и поднял руки. Один сорвал с себя синий плащ, будто ткань обожгла его. Другой попятился, увидел лежащего товарища и замер.

На его лице не было ни ярости, ни военного спокойствия — только ужас человека, обнаружившего кровь на собственных руках.

— Кто вами командовал? — спросила я.

Он посмотрел на меня, потом на склон.

— Я не знаю.

Говорил он с южным выговором. Речные равнины, не дальше двух дней пути от столицы Эллары.

— Как вы здесь оказались?

— Нам велели сопровождать груз. Потом был свет... — Он провёл ладонью по шее, где гас чужой знак. — Дальше ничего не помню.

Капитан охраны шагнул к нему с мечом.

— Очень удобно.

Я встала между ними. Медленно, чтобы ноги не выдали государственных тайн.

— Он без оружия.

— Он только что пытался вас убить.

— Поэтому мне хотелось бы узнать зачем. Мёртвые свидетели ужасно однообразны.

Капитан посмотрел на меня так, словно вспомнил все причины, по которым не хотел сопровождать наследную принцессу на переговоры с врагом. Затем убрал меч.

Лия подхватила меня под локоть.

— Великолепно, — сказала она. — Спокойная дипломатическая поездка, говорили они. Безопасный маршрут, говорили они.

— Пожалуйся составителю.

— Если выживем, я заведу на него отдельный архив.

Правая кисть дрожала так, что я не могла сжать пальцы. Под кожей жгло, однако цвета вокруг не потускнели, голос не пропал, а значит, откат пока оставался терпимым.

Использовать Нокс второй раз было нельзя.

Разумеется, именно тогда за поворотом прозвучал рог.

Северный.

Настоящий, судя по тому, как побледнели наши стражники.

Из-за склона вышел конный отряд. Те, кто ехал впереди, тоже носили синие плащи, но сходство с нападавшими на этом заканчивалось.

Новые северяне двигались каждый в собственном ритме. Поворачивали головы, следили за склонами, придерживали коней. Между их сигилами не было тёмных нитей.

Впереди ехал мужчина без плаща, в тёмном боевом камзоле и с серебряным знаком избранного командующего на воротнике.

Он поднял ладонь.

Отряд остановился.

— Оружие на землю, — сказал мужчина.

Голос был негромким. Почему-то его слышали все.

Наш капитан встал передо мной.

— Ещё шаг, и наследная принцесса Элары ответит силой.

Я посмотрела на свою дрожащую руку. Угроза звучала убедительнее, пока никто не видел подробностей.

Северный командующий перевёл взгляд на меня. Серые глаза, коротко стриженные тёмные волосы, лицо человека, давно разучившегося удивляться неприятностям и теперь только распределявшего их по срочности.

— Судя по дороге, принцесса уже ответила, — сказал он.

— И получила исчерпывающий ответ Севера.

— Это не мои люди.

— Плащи северные.

— Плащ можно украсть. Манеру завязывать перевязь — сложнее.

Я посмотрела на ближайшего нападавшего. Узел действительно был южным: плоский, с петлёй внутрь, чтобы не цепляться за украшения парадной формы. Северяне застёгивали перевязи иначе — это отмечалось в каждом донесении нашей разведки.

— Ваше имя? — спросила я.

Он чуть склонил голову.

— Дамиан вор-Крэйг. Избранный командующий Северного альянса.

Разумеется.

Если уж утро решило окончательно испортиться, оно не стало размениваться на младших офицеров.

Лия тихо выдохнула за моей спиной.

О Дамиане вор-Крэйге на Юге рассказывали разное. Что он взял пограничную крепость без единого ночного костра. Что отступил из захваченного города, когда узнал о лихорадке среди жителей. Что лично казнил трёх мародёров из собственного отряда.

Последний факт при дворе любили меньше остальных: чудовище, соблюдающее правила, мешало удобной картине войны.

— Прикажите людям отойти, — сказала я.

— Когда ваши положат оружие.

— Мы дипломатическая делегация.

Он оглядел перевёрнутую повозку, тела на дороге и синие плащи нападавших.

— Сегодня это не самая надёжная профессия.

Соревнование в любезности могло продолжаться до зимы, но один из освобождённых мужчин застонал.

Дамиан первым повернул голову.

— Лекаря к раненым. Ко всем, — приказал он.

Северный лекарь спешил и побежал не к своим, а к нашему стражнику, который прижимал ладонь к боку.

Мой капитан нахмурился, но опустил меч.

Дамиан медленно сошёл с коня. Остановился дальше, чем требовали приличия, и ближе, чем мне хотелось.

— Среди нападавших был управляющий, — сказала я. — Он находился за грядой. Я разорвала связку, но он мог уйти.

— Не мог.

— Вы удивительно уверены.

— Мои разведчики перекрыли северный склон до того, как мы вышли на дорогу.

— А южный?

— Там находились ваши люди. По крайней мере, я надеюсь, что ваши.

Он коротко взглянул на край правой перчатки, из-под которой пробивался белый свет Нокса, и сразу отвёл глаза.

Не спросил, как я остановила связку. Не потребовал показать руку. Это не означало, что он ничего не заметил. Только умел откладывать вопросы.

— Вы поедете с нами в крепость Северный Щит, — сказал Дамиан.

Капитан снова потянулся к мечу.

— Принцесса не ваша пленница.

— Тот, кто устроил засаду, знал маршрут делегации и располагал запрещённой командной магией. До южной границы три часа. До моей крепости — меньше одного. Я выбираю место, которое способен защитить.

— Как трогательно, — сказала я. — А если я выберу другое?

— Тогда я предоставлю вам десять лошадей, двух лекарей и сопровождение до границы. А потом буду ждать известия, что следующий отряд оказался удачливее этого.

Он не угрожал.

Это раздражало сильнее.

Угроза позволила бы мне возмутиться, приказ — отказаться. Вместо этого Дамиан оставил выбор между плохим решением и смертельно глупым.

— Мои люди едут со мной, — сказала я. — Раненых лечат независимо от формы. Никого из освобождённых от связки не казнят и не допрашивают без свидетеля с моей стороны.

— Согласен.

— Так быстро?

— Я опасался, что вы потребуете мою крепость целиком.

— Не исключаю. Сначала посмотрю на комнаты.

Уголок его рта едва заметно двинулся.

— Тогда считайте это приглашением под охрану.

— На Юге подобное называется пленом.

— На Севере тоже. Мы просто реже украшаем формулировки.

К нам подошёл северный разведчик с арбалетным болтом в руках.

— Командующий. Нашли за южной грядой.

Дамиан взял болт за древко, осмотрел наконечник и протянул мне.

— Прежде чем объявить нападение делом Севера, взгляните на металлическую втулку возле оперения.

— Вы всё-таки признаёте, что я способна что-то решить сама?

В его глазах мелькнуло усталое веселье.

— Я начинаю подозревать, что запретить вам будет сложнее.

Я не взяла болт сразу.

— Это попытка обезоружить меня лестью?

— Нет. Для лести я выбрал бы менее проверяемое утверждение.

Лия кашлянула. Я слишком хорошо знала этот кашель: так она прятала смех в присутствии людей, которых по протоколу полагалось бояться.

Я перехватила болт левой рукой.

Маркировку грузов закрытой дворцовой канцелярии я видела десятки раз. Три короткие насечки, одна длинная и маленькая точка поперёк металла. Такой знак ставили на оружие и документы, прошедшие через внутренние склады дворца.

Маршрут делегации тоже составляли там.

Его знали отец, несколько членов совета, начальник дворцовой стражи и люди, готовившие поездку.

Под слоем чёрной краски на втулке виднелась именно эта метка.

Дорога качнулась сильнее, чем после магического отката.

— Узнали? — спросил Дамиан.

Я подняла глаза.

Северные солдаты окружали перевал. Южная охрана была ранена и наполовину разоружена. Передо мной стоял вражеский командующий, а в руке лежало доказательство того, что нападение могли подготовить во дворце моего отца.

Положение было отвратительным.

То есть вполне подходящим для начала мирных переговоров.

Глава 2

Дамиан

Пленница обычно не требовала, чтобы её предполагаемых убийц лечили раньше собственных сопровождающих.

Илана аш-Терра потребовала.

Через четверть часа после засады она сидела на плоском камне у дороги, прижимала к груди правую руку и следила, как наши лекари перевязывают южанина, который ещё недавно стрелял в её карету. Белый свет под её перчаткой погас, но пальцы продолжали дрожать.

Она прятала это, опираясь локтем на колено. Получалось плохо.

— Командующий, — сказал Валериус у меня за спиной. — Совет велел доставить принцессу в ближайший гарнизон и передать под общую охрану.

Капитан Валериус Дорн служил рядом со мной шесть лет и произносил слово «велел» только тогда, когда хотел напомнить: даже избранный командующий не являлся королём.

— Совет не знал о засаде.

— Теперь знает. Я отправил сигнал с башни.

Я повернулся к нему.

Он выдержал взгляд. Высокий, седина на висках, ремни затянуты безупречно. Валериус мог построить сотню уставших солдат одним движением брови. За это я его ценил. За привычку отправлять донесения раньше, чем обсуждать их со мной, — меньше.

— Каким кодом?

— Дежурным. Синий круг, две короткие вспышки, одна длинная.

Текущий северный код. Его меняли каждую неделю и сообщали только командирам застав, сигнальным башням и старшим офицерам.

На южном склоне зашуршали камни.

Я увидел ближайшие три удара сердца.

В первом Сорен наклонится над следом и поднимет руку. Во втором из расселины выйдет арбалетный болт. В третьем он войдёт разведчику под ключицу.

— Ложись!

Сорен упал раньше выстрела. Болт прошёл над ним и ударил в камень.

Боль впилась мне в висок. Мир качнулся и вернулся на место с лишней резкостью.

— Живой? — спросил я.

— Оскорблённый, — отозвался Сорен из пыли. — Новый камзол.

— Переживёшь.

— Вы всегда умеете поддержать человека.

Солдаты рассыпались по склону. За расселиной никого не нашли. Только вмятины от сапог и короткий обрывок синей сигнальной ленты.

Такой лентой наши дозорные отмечали безопасный проход после проверки местности.

Илана поднялась с камня.

— Это ваши люди?

— Нет.

— Вы отвечаете быстрее, чем проверяете.

— Мои разведчики не стреляют в Сорена. Он слишком много говорит, но это пока не военное преступление.

Сорен, вернувшийся с обрывком ленты, поклонился принцессе.

— Благодарю за защиту доброго имени, командующий.

— Не привыкай.

Илана посмотрела на ленту.

— Тот, кто оставил её, знал ваш знак.

— И наш недельный код, — сказал я.

Она перестала улыбаться.

Валериус подошёл ближе.

— Поэтому принцессу нужно немедленно доставить в гарнизон. Там стены, гарнизон и запирающиеся комнаты.

— А ещё сигнальная башня, чей код уже известен противнику.

— Северный Щит использует тот же код.

— Именно.

Я развернул карту на капоте уцелевшей повозки. До крепости вёл прямой тракт через узкое ущелье. Быстро, удобно и слишком очевидно. Южнее проходила старая дорога к заброшенным каменоломням. Её не использовали после зимнего обвала, но Сорен проверял тропу два месяца назад.

— Основной отряд пойдёт по тракту, — решил я. — Пустая закрытая карета, два десятка всадников, знамя командующего. Валериус поведёт.

— А вы?

— Каменоломни. Сорен, восемь человек. Раненые и свидетели с нами.

Валериус сжал челюсть.

— Вы оставите главную дорогу противнику и потащите наследницу по обвалам?

— Я оставлю противнику то, чего он ждёт.

— Совет потребует объяснений.

— Запиши заранее: я не позволил убить принцессу из уважения к протоколу.

Он посмотрел на Илану. Она стояла достаточно близко, чтобы слышать каждое слово, и достаточно прямо, чтобы напомнить: обсуждали не груз.

— Я не поеду без Лии и своих раненых, — сказала она.

— Поедете с ними.

— В закрытой повозке?

— В открытой. Так вы увидите, куда мы сворачиваем.

Она прищурилась.

— Я должна быть благодарна за прогулку под охраной?

— Нет. Благодарность плохо держится на ухабах.

Лия, собиравшая документы возле кареты, тихо фыркнула.

Через десять минут колонна разделилась. Валериус ушёл на север с пустой каретой и большей частью людей. Я дождался, пока синее знамя исчезнет за поворотом, и повёл малую группу к каменоломням.

Илану посадили на низкую грузовую повозку рядом с Лией и двумя ранеными. Она отказалась от предложенного плаща, потом передумала, когда ветер добрался под дорожный жакет.

Разумный человек. Это усложняло задачу.

Первым пришёл в себя мужчина, которого Илана остановила у кареты. Его плечо уже перевязали, оружие забрали, но он всё равно попытался вскочить, увидев северные плащи. Ноги не удержали. Он едва не упал с повозки.

Илана поймала его здоровой рукой.

— Спокойно. Вы больше не под связкой.

— Где я?

— На дороге в Север. День мог сложиться лучше, но это уже не исправить.

Он увидел меня и отшатнулся.

— Я ничего не говорил.

— Вас пока ни о чём не спрашивали, — сказал я.

Мужчина дёрнул ворот. Под ним темнел ожог от военного сигила. Не северного клейма и не южной армейской печати — грубо переделанного гражданского знака, к которому кто-то присоединил командный канал.

— Кто нанял вас? — спросила Илана.

— Я грузчик. На пристани в Ардене. Нам предложили сопровождение каравана. Деньги вперёд. Потом выдали плащи и велели ждать на складе.

— Кто выдал?

— Человек в серой маске. Говорил, что это тайная служба короля.

Илана не изменилась в лице, но связь с её отцом уже присутствовала между нами в виде болта с дворцовой маркировкой. Теперь к ней добавлялся человек, веривший, что исполняет королевское поручение.

— А свет? — спросил я.

Он зажмурился.

— В подвале поставили перед зеркалом. Сказали, знак проверят. Потом стало холодно. Я очнулся, когда её высочество держала меня за ворот.

— Удобная память, — заметил Сорен, ехавший с другой стороны повозки.

Илана посмотрела на него.

— После командной связки люди действительно теряют куски времени.

— Вы уверены?

— Я только что держала сеть изнутри.

Сорен склонил голову.

— Тогда принимаю поправку.

Она ожидала спора и не получила его. На мгновение это сбilo её сильнее, чем северный ветер.

Я приказал дать мужчине воды и посадить рядом с остальными. Пленный мог лгать. Но ожог, плащи и подготовленный склад уже составляли цепочку, которую следовало проверить.

Болт с дворцовой маркировкой, синюю сигнальную ленту и обрывок чужой печати Сорен сложил в кожаный пакет. Илана потребовала две печати — мою и её дорожную. Лия записала каждую улику и забрала пакет в повозку. Теперь ни Север, ни Юг не могли незаметно заменить содержимое.

Сорен придержал коня и поравнялся со мной.

— Ложная колонна вышла на тракт, — тихо сказал он. — Как только Валериус поднял знамя, с западной башни передали разрешающий сигнал. Нашим кодом. Башня заброшена три года.

— Кто-нибудь вошёл внутрь?

— Два всадника. Потом ушли к южному склону. Я послал следом пару людей.

Значит, противник ждал не только на дороге. Он подготовил точки наблюдения и знал, каким сигналом мы подтвердим безопасный маршрут.

Я посмотрел на повозку. Илана слушала мужчину из связки, уточняла название пристани и склада. Не тратила силу, не изображала милосердие для свидетелей — просто собирала факты.

— Вы спасли их, хотя они целились в вас, — сказал я, когда она снова посмотрела в мою сторону.

— Они не выбирали цель.

— Вы не могли знать этого до разрыва.

— Могла ошибиться.

— И всё равно рискнули щитом.

— Командующий, вы пытаетесь сделать мне комплимент?

— Проверяю мотив.

— Тогда запишите: я не люблю, когда за людей выбирают, кого им убивать.
Ответ был слишком точным, чтобы быть придворной формулой.

Путь сужался. Слева поднималась осыпь, справа уходил вниз сухой ручей. Камни под колёсами двигались, лошади нервничали. Я держался рядом с повозкой и слушал лес.

— Вы всегда меняете маршрут после одного выстрела? — спросила Илана.

— После одного точного выстрела, сделанного из безопасной зоны по нашему коду.

— Значит, меня спасла не ваша забота, а профессиональная мнительность.

— Забота ещё менее надёжна, чем благодарность.

Она поправила плащ на плечах Лии, хотя сама мёрзла сильнее.

— Удобная философия.

— Для войны — да.

— А для мира?

— До него ещё нужно дожить.

Я не должен был отвечать. Тем более честно.

Сорен поднял два пальца. Следы впереди.

Повозка остановилась. Я спешился и подошёл к нему. На влажной земле отпечатались четыре лошадиные подковы. Свежие. Один всадник прошёл по тропе туда, затем вернулся.

Разведка.

— Они знали про каменоломни? — спросил Сорен.

— Или наблюдали за разделением.

За спиной скрипнула повозка.

Илана уже стояла на земле.

— Вернитесь, — сказал я.

— Если вы хотите, чтобы я подчинилась, придётся придумать что-нибудь убедительнее привычки командовать.

— На склоне наблюдатель.

Она молча вернулась за борт повозки.

Разумный человек. Всё ещё неудобно.

Мы не прошли и сотни шагов, когда сверху покатился первый камень.

Не обвал. Слишком ровный толчок.

— Вправо! К руслу!

Лошади рванули. С осыпи посыпались валуны. Один ударил переднее колесо повозки и расколол обод. Повозку повело набок.

Я увидел три удара сердца: Лия падает под колесо; Илана пытается удержать раму Серой; второй валун пробивает борт.

Я прыгнул.

Звезда Войны вспыхнула в груди резким серебром. Эхо удара связало меня с Иланой за мгновение до того, как камень врезался в золотой щит.

Удар, предназначенный ей, вошёл мне под рёбра.

Воздух исчез. Я удержался на ногах только потому, что падать под собственную лошадь было унижительно.

Щит Иланы не сломался. Она закрепила его на металлических скобах повозки и прикрыла Лию с ранеными.

— Это вы сделали? — выкрикнула она.

— Позже.

Сорен с тремя людьми уже карабкался по склону. Я поднял руку, указал направление. В висок снова вонзилась боль, но ближайшее движение показалось: человек за валуном отступит к расщелине, второй выстрелит вниз.

— Левее! Двое!

Раздался звон клинков. Потом короткий крик.

Я заставил себя вдохнуть. Под рёбрами горело. Ничего сломанного — возможно. Лекари любили портить хорошие предположения.

Илана спрыгнула с повозки.

— Вы приняли удар на себя.

— Часть.

— Зачем?

— Потому что ваш щит держал четверых.

Она хотела возразить, но посмотрела на раненых и промолчала.

Сорен спустился через несколько минут, таща за ворот человека в южной дорожной куртке. Второй лежал выше, без сознания. Пленный был молод, лицо в крови, на шее след от выжженной военной метки.

Илана подошла к нему раньше, чем я успел запретить. Потом я вспомнил, что обещал не путать защиту с приказами, хотя никакого договора между нами ещё не существовало.

— Он может быть связан повторно, — сказал я.

— Тогда вы увидите нити.

— А если не увижу?

— Значит, ошибётесь вместе со мной. Это хотя бы честнее, чем решить за него заранее.

Она опустила на короточки на расстоянии вытянутой руки. Правая ладонь оставалась прижатой к груди; Нокс после разрыва сети всё ещё не слушался. Поэтому Илана не могла ни защититься даром, ни проверить человека магически. Она всё равно спросила:

— Вы меня понимаете?

Пленный моргнул. Его взгляд скользнул к синей форме Сорена, к моему знаку командующего, потом остановился на бело-золотом шитье её дорожного жакета.

— Принцесса, — выдохнул он.

— Пока это самое точное, что прозвучало за утро. Кто отправил вас на склон?

Он попытался ответить, но закашлялся. Илана не коснулась его, только потребовала воды. Сорен подал флягу без спора.

— Пытался проглотить это, — после первого глотка Сорен протянул мне крошечную металлическую пластину.

На ней были вырезаны наш недельный код и маршрут через каменоломни.

Илана увидела пластину.

— Откуда он мог знать, что вы выберете эту дорогу?

— Не мог, — ответил я. — Если только маршрут не был подготовлен заранее как единственная безопасная альтернатива.

Пленный рассмеялся. Кровь выступила у него на губах.

— Поздно, — прошептал он.

Я опустился рядом.

— Кто дал приказ?

Он посмотрел не на меня — на Илану.

Глаза у него уже мутнели.

— Западный купол... семь огней... окно Нокса закрыто до полуночи.

Илана побледнела.

— Что это? — спросил я.

Она медленно сняла перчатку с правой руки, будто хотела убедиться, что белый сигил всё ещё там.

— Пароль королевской обсерватории Элары, — сказала она. — Действующий с этой недели.

Пленный выдохнул и больше не вдохнул.

Илана закрыла ему глаза здоровой рукой. Потом поднялась, не глядя на меня. Приказ Совета требовал передать её как ценную пленницу. Пароль обсерватории превращал её в единственного человека, способного подтвердить связь засады с южным двором. Передача без расследования теперь была не осторожностью, а вполне удобным способом уничтожить свидетеля.

Ветер шевельнул синюю сигнальную ленту в руке Сорена.

Противник знал наш код, южный пароль и оба возможных маршрута.

И всё меньше походил на отдельный отряд, случайно оказавшийся на перевале.

Глава 3

Илана

Крепость Северный Щит выглядела так, будто её строили люди, не доверявшие ни погоде, ни соседям, ни архитекторам.

Серый камень, узкие окна, две стены вместо одной и ворота, способные пережить плохое настроение целой армии. Над башнями горели сигнальные чаши. Их синий огонь отражался в мокрой брусчатке и делал двор ещё холоднее.

Нас встретили не фанфарами, что было разумно, и не цепями, что я сочла добрым знаком.

Дамиан первым спешил и отдал распоряжения так быстро, что люди вокруг перестали видеть в нас дипломатическую катастрофу и начали видеть работу.

Раненых — в лазарет. Освобождённых от командной связки — отдельно, но без кандалов. Южную охрану — рядом с нашей делегацией. Лошадей — сменить. Ворота — закрыть. Сигнальный код — отменить.

— Принцессу в западные комнаты, — закончил он.

— С Лией, — сказала я.

— С Лией.

— И без замка снаружи.

Он посмотрел на капитана крепости.

— Без замка снаружи.

— Это подозрительно легко.

— Вы ещё не видели западные комнаты.

Лия, стоявшая рядом, шепнула:

— Возможно, там нет крыши.

Крыша оказалась. Зато отопление существовало скорее как историческая гипотеза.

Нас привели в две соединённые комнаты на втором этаже. Дверь в коридор действительно не запиралась снаружи. Внутри стояли широкая кровать, узкий диван, стол, два стула и железная печь, которая добросовестно коптила, но почти не грела.

На окнах были решётки.

Я указала на них сопровождавшему нас солдату.

— От птиц?

Он растерялся.

— От осады, ваше высочество.

— Птицы на Севере, видимо, особенно настойчивые.

Лия закрыла дверь после его ухода и сразу подошла к окну.

— Двор видно. Ворота тоже. До земли высоко, но не безнадежно.

— Мы не побежим через окно.

— Я проверяла архитектуру.

— Разумеется.

Она повернулась ко мне, и шутка исчезла с её лица.

— Покажите руку.

— Ты уже видела её на дороге.

— Я видела перчатку, которую вы держали так, будто собирались задушить. Это не медицинский осмотр.

Я сняла правую перчатку.

Сигил Нокса тянулся от основания большого пальца к запястью тонкими белыми линиями. Обычно они напоминали ветви зимнего дерева. Сейчас между ними проступила чужая чёрная точка — крошечная, почти незаметная.

Лия наклонилась ближе.

— Этого утром не было.

— Я тоже умею замечать плохие новости.

— У вас рука ледяная.

— Это уже старая плохая новость.

Она взяла меня за пальцы осторожно, без попытки давить на знак. За семь лет службы при дворе Лия научилась обращаться с государственными тайнами, хрупкими рукописями и мной. Последнее требовало больше терпения.

В дверь постучали.

Дамиан вошёл только после моего разрешения. Вместе с ним была женщина лет шестидесяти в тёмном платье и сером шерстяном переднике. Волосы она собрала в узел, на поясе висели ножницы, пузырьки и связка деревянных палочек.

На мага она не походила.

— Эдда Норн, — представил её Дамиан. — Старшая лекарка крепости.

— Без дара, — добавила женщина. — Чтобы вы не ждали красивого свечения и не разочаровались.

— Я сегодня уже видела достаточно свечения.

Эдда села за стол, не поклонившись, и протянула ладонь.

— Руку.

— Сначала условия.

— У меня одно: вы не дёргаетесь, пока я работаю иглой.

— Это не условие. Это угроза.

— Хорошо. Тогда у нас взаимопонимание.

Лия улыбнулась впервые после дороги.

Я села напротив Эдды и положила руку на стол. Дамиан остался у двери, достаточно далеко, чтобы не участвовать, и достаточно близко, чтобы вмешаться. Он делал это со всем помещением.

Эдда осмотрела сигил через маленькую линзу, потом коснулась чёрной точки деревянной палочкой. Боль отозвалась не в коже — глубже, под локтем.

Я отдёрнула руку.

— Вот теперь можно дёргаться, — заметила она. — Поздно, но можно.

— Что это?

— Наводчик.

Дамиан выпрямился.

— На ней не было метки при выезде из дворца, — сказала Лия.

— Верю. Такие вещи ставят в момент касания чужой сети. Принцесса разрешила командную связку и получила занозу от проводника.

Эдда взяла миску с водой, насыпала туда соль и опустила палочку. В воде проступили тёмные круги.

— Метка слушает оба сигила, — продолжила она. — Тот, кто её создал, чувствует направление и расстояние до носителя. Чем сильнее принцесса применяет дар, тем точнее след.

— Можно снять? — спросила я.

— Можно всё. Вопрос — сколько частей человека останется после.

— Обнадёживает.

— Я лекарь, не придворный певец.

Дамиан подошёл к столу.

— Какой способ безопаснее?

Эдда посмотрела на него, затем на меня.

— Военный якорь. Временно связать её импульс с вашей военной печатью присяги, отделить метку, дать ей перерезать чужой слой. Вы удержите направление и примете часть отдачи.

— Нет, — сказала я.

Никто не попытался спорить.

Дамиан кивнул один раз.

— Другие способы?

Эдда начала загибать пальцы.

— Запереть принцессу в подземной комнате, окружить солью, не позволять пользоваться силой и ждать, пока метка ослабеет. От трёх дней до двух недель. Или попытаться выжечь след Ноксом без якоря и рискнуть повредить оба сигила. Или позволить убийцам прийти и снять метку с их мёртвого настройщика, если они принесут его с собой.

— Последний вариант звучит гостеприимно, — сказала Лия.

— У нас Север, — ответила Эдда. — Здесь ценят простые решения.

Я посмотрела на Дамиана.

— Вы рассчитывали, что слово «временно» сделает связь привлекательнее?

— Я не рассчитывал, что вы согласитесь без условий.

— Вы считаете, я соглашусь с ними?

— Считаю, вы захотите сначала понять устройство.

Правильный ответ. Раздражающе правильный.

— Связь передаёт мысли?

— Нет, — ответила Эдда. — Только предупреждение о смертельной угрозе и часть удара, если командующий сознательно примет её.

— Позволяет ему отдавать мне приказ?

— Нет.

— Следить за мной?

— В пределах тридцати шагов вы оба будете ощущать направление друг друга. Дальше связь начнёт тянуть и слабеть.

— Разорвать её могу я?

— Да. Но после будет слабость.

Я взглянула на Дамиана.

— А если я скажу «нет» второй раз?

— Значит, мы укрепим подземную комнату и отправим людей искать настройщика.

— Без попытки связать меня во сне?

В его лице ничего не изменилось, только голос стал холоднее.

— Если кто-то в этой крепости прикоснётся к вашему сигилу без согласия, он перестанет служить в гарнизоне раньше, чем успеет придумать оправдание.

Эдда удовлетворённо хмыкнула.

— Вот поэтому я до сих пор здесь работаю.

От ответа стало легче. Не настолько, чтобы соглашаться, но достаточно, чтобы задать следующий вопрос.

— Мне нужно отправить сообщение отцу.

— Звёздное зеркало крепости отключено, — сказал Дамиан. — Недельный код скомпрометирован.

— Очень своевременно.

— Вы можете написать письмо. Его повезут два гонца разными дорогами. Текст не будут менять.

— Но прочтут.

— Да.

— Тогда я хочу копию с вашей подписью и печатью крепости. И Лия должна увидеть отправку.

— Согласен.

Дамиан позвал писаря. Тот принёс бумагу, песок, две одинаковые печати крепости и такой осторожный вид, будто собирался записывать признание в государственной измене.

Я написала отцу сама. Коротко: делегация атакована; часть нападавших находилась под запрещённой командной связкой; среди оружия обнаружена маркировка закрытой канцелярии; я жива и временно нахожусь в Северном Щите по собственному решению. Последнюю фразу подчеркнула. Потом добавила, что требую не предпринимать военных действий до получения моего следующего сообщения.

— Короли обычно любят, когда им что-то требуют? — спросил писарь.

— Мой отец любит, когда требования сформулированы грамотно. Выполнять их — отдельный вопрос.

Лия перечитала письмо и постучала ногтем по слову «временно».

— Это наш старый архивный маркер, — объяснила она Дамиану. — Если письмо составлено под прямым принуждением, Илана пишет «в течение ограниченного срока». «Временно» означает, что текст свободный.

— Полезная привычка, — сказал он.

— У дворца много полезных привычек. Некоторые даже не приводят к засадам.

Мы сделали две копии. На каждой Дамиан написал, что Илана аш-Терра прибыла в крепость после нападения и на момент составления письма не была закована, связана ритуалом или лишена возможности отказаться от текста. Формулировка звучала так, будто Север регулярно выдавал подобные справки.

— Почему вы отдельно указали ритуал? — спросила я.

— Ваш отец знает о сигилах больше среднего правителя. Если мы промолчим, он предположит худшее.

— Он и так предположит худшее. Это его способ проявлять любовь.

Дамиан задержал взгляд на мне, но не задал вопрос.

Двух гонцов выбрали при нас. Один должен был идти южным трактом, второй — через речную заставу. Лия лично вложила письма в тубусы, проверила печати и записала имена лошадей, гонцов и час отправки.

— Вы всегда так работаете? — спросил писарь.

— Только когда есть риск войны, похищения или плохого архивного учёта. Обычно всё сразу.

Мы вышли на галерею над внутренним двором. Гонцы сели в седло и разъехали к разным воротам. Дамиан приказал открыть их по очереди, чтобы наблюдатель снаружи не мог определить, какое письмо важнее.

Я дождалась, пока оба исчезнут за стенами. Только после этого вернулась в комнату. Цель была выполнена не полностью: отец получил бы мой голос, если письма до него доберутся. Но теперь их исчезновение тоже оставило бы след.

— Ещё я хочу, чтобы мои люди не считались пленными.

— Они останутся в крепости до выяснения обстоятельств, но смогут передвигаться по внутреннему двору и встречаться с вами.

— Без допросов в одиночку.

— Я хочу увидеть их сейчас.

Дамиан посмотрел на Эдду. Та пожала плечами.

— Идти может. Колдовать не советую. Падать тоже, но это обычно никто не слушает.

Мы спустились во внутренний двор. Южных стражников разместили у лазарета, а не в караульной тюрьме. Оружие у них забрали, зато двери не запирали. Мой капитан сидел на скамье с перевязанной головой и выглядел человеком, готовым объявить войну лично каждому северному камню.

— Ваше высочество, — он попытался встать.

— Сидите. Это приказ, который хотя бы не требует магии.

Я сообщила ему условия: свободный двор, встречи со мной, никаких одиночных допросов. Капитан выслушал, бросая на Дамиана тяжёлые взгляды.

— Король потребует, чтобы мы немедленно вернули вас, — сказал он.

— Король сначала получит моё письмо.

— Вы доверяете северянам доставку?

— Я доверяю двум разным дорогам, трём копиям и Лии, которая записала даже клички лошадей.

Лия кивнула с достоинством человека, только что защитившего государство хорошим почерком.

— Мы не вернёмся на дорогу, пока не узнаем, кто знал маршрут, — продолжила я. — Вы отвечаете за наших людей здесь. Никто не провоцирует гарнизон и не пытается освободить меня из комнаты, дверь которой не заперта.

Капитан недовольно поджал губы, но согласился. Теперь у моих людей была не только свобода передвижения, но и понятный приказ, не зависящий от решений Дамиана.

Лия переводила взгляд с меня на Дамиана, будто следила за дуэлью, где оружием служили условия договора.

— У вас всегда переговоры проходят так быстро? — спросила она.

— Нет, — сказал Дамиан. — Обычно мне не возражают по каждому существенному.

— Вам полезно расширять опыт.

Он посмотрел на неё.

— Теперь я понимаю, почему принцесса взяла вас с собой.

— Это было в документах, которые кто-то использовал для засады, — напомнила Лия.

Воздух в комнате изменился.

Мы вернулись к папке. Она лежала на столе, испачканная дорожной грязью, но целая. Лия развязала тесёмки и начала проверять листы. Мирный договор, приложения о зерновых поставках, список членов делегации, маршрут.

Последний лист она держала дольше остальных.

— Печать вскрывали, — сказала она.

— Где? — я наклонилась.

На сургуче вокруг королевского знака шла тонкая вторая линия. Почти идеальная, но Лия знала каждую трещину на печатях дворцового архива.

— Конверт нагрели, сняли оттиск и поставили заново. До того, как пакет передали мне.

— В канцелярии? — спросил Дамиан.

— Или между канцелярией и архивом. Доступ имели шесть человек.

— Назовите их.

— После того как вы назовёте всех, кто знал северный код.

Соревнование могло бы начаться заново, но внизу ударил колокол.

Один раз.

Пауза.

Ещё два коротких удара.

Дамиан распахнул дверь.

— Это не тревога гарнизона, — сказала Эдда.

Чёрная точка на моём запястье вспыхнула жаром. За минуту она стала больше, будто чернила проступали изнутри кожи. Я успела подумать, что убийцам не нужен открытый проход: достаточно было заставить меня снова применить Нокс и показать им точное место здесь.

Я вскрикнула и прижала руку к груди. За стеной, где-то далеко за крепостью, будто натянули тонкую нить.

Она тянулась прямо ко мне.

Дамиан обернулся.

— Нас нашли.

В коридоре уже бежали солдаты.

Глава 4

Дамиан

Тревожный колокол в Северном Щите умел различать пожар, нападение и человеческую глупость. Сейчас он звонил о нападении.

Жаль. С глупостью было бы проще.

Я вышел в коридор и перехватил бегущего офицера.

— Доклад.

— На внешней стене погасли три охранные печати. Восточный склон пуст, но дозор слышит движение под камнями. Ворота закрыты.

— Никого не выпускать. Валериус на месте?

— Вернулся с основным отрядом пять минут назад.

Слишком вовремя.

Я не позволил мысли задержаться. Подозрение без факта годилось для бессонницы, не для приказа.

— Передайте ему восточную стену. Сорен — ко мне. Эдда, готовьте нижний зал.

— Я не согласилась на связь, — сказала Илана за спиной.

Она стояла в дверях западных комнат, бледная, с прижатой к груди рукой. Лия держала её за локоть. Чёрная точка на сигиле Нокса уже вытянулась в тонкий штрих.

— Поэтому Эдда готовит нижний зал, а не ритуал, — ответил я.

— Нижний зал — это подземная комната с солью?

— С окнами было бы трудно.

— Я начинаю понимать северную архитектуру. Всё, что не удалось сделать мрачным, вы убрали под землю.

Она шутила, пока метка прожигала руку. Полезная привычка. Опасная тоже.

Внизу снова ударил колокол. На этот раз к звуку примешался глухой треск. Крепостная защита получила удар снаружи.

Илана дёрнулась. Чёрная линия на её коже стала длиннее.

Эдда выругалась без всякой мистики.

— Они используют её как ключ к нашим печатям. Каждый удар по крепости проходит через метку, а метка проверяет, где защита слабее.

— Сколько времени? — спросил я.

— До чего?

— До того, как они откроют проход.

— Если бьют обученные люди — четверть часа. Если те же, кто устроил засаду, — меньше.

Я посмотрел на Илану.

— Подземный зал выиграет время.

— Но не снимет метку.

— Нет.

— А связь снимет?

— Даст вам возможность отделить её от собственных сигилов, — сказала Эдда. — Если не перепутаете слои.

— Вы умеете обнадёживать всё лучше.

— Практика.

Илана перевела взгляд на меня.

— Я поставлю условия.

— Поставите.

— Письменно.

— Да.

— При свидетелях.

— Да.

Лия моргнула.

— Вы могли бы хотя бы немного поспорить. Для достоинства сторон.

— У нас мало времени, — сказал я.

— Это не мешало политикам никогда.

В нижний зал мы спустились по узкой лестнице. Помещение прежде служило складом лекарственных запасов. Из мебели остались длинный стол, скамьи и каменная раковина. На полу Эдда уже велела начертить два круга из соли и железной стружки, соединённые узким мостом.

Сорен принёс бумагу, чернила и мою походную печать.

— Восточная стена держится, — доложил он. — Кто-то идёт через старые водостоки.

Валериус перекрывает выходы.

— Пленных брать живыми, если возможно.

— Валериус приказал не рисковать людьми.

— Теперь у него другой приказ.

Сорен коротко кивнул и ушёл.

Илана села за стол. Лия встала у её плеча. Эдда — напротив. Я остался стоять.

— Пишите, — сказала принцесса.

Лия обмакнула перо.

— «Временный договор о защитной связи между Иланой аш-Терра и Дамианом вор-Крэйгом».

— Слово «подданство» не использовать, — сказала Илана.

— Его никто не предлагал.

— Предусмотрительность экономит время.

Снаружи ударило снова. С потолка посыпалась пыль.

Лия продолжила:

— «Связь создаётся исключительно для удаления чужой метки и защиты от текущего нападения».

— Радиус? — спросила Илана.

— Тридцать шагов, — ответила Эдда. — Дальше появится боль и связь начнёт рваться сама.

— Записывайте. Дамиан не получает права отдавать мне магические приказы, читать мысли, вызывать чувства или вмешиваться в сигилы без отдельного согласия.

— Я не могу читать мысли, — сказал я.

— Прекрасно. Значит, условие не доставит неудобств.

Лия спрянула улыбку и записала.

— Я могу разорвать связь в любой момент, — продолжила Илана. — Даже если вам это невыгодно.

— Да.

— Вы не удерживаете меня силой в радиусе.

— Если вы попытаетесь выйти за стену во время штурма, я остановлю вас как командующий крепостью, не как участник связи.

Она нахмурилась.

— Формулировка честная, но неприятная.

— Обычно так и бывает.

— Пишите отдельно, — решила она. — Ограничения военного положения не считаются правом по договору.

Лия записала и подняла голову.

— Цена?

Эдда ответила:

— Связь распределит отдачу. Если Илана ошибётся, Дамиан примет часть повреждения. Если по ней нанесут удар и он сознательно откроет эхо, тоже. После разрыва обоих будет лихорадить и шатать несколько часов.

— Возможна смерть? — спросила Илана.

— Всегда возможна. Но не от правильно созданной связи.

— Эдда.

— Что? Я не люблю обещать людям бессмертие перед работой с иглами.

Илана выдохнула.

— Последнее: после снятия метки договор не продлевается молча. Любое продолжение — только новым согласием.

— Принимаю, — сказал я.

Она посмотрела прямо на меня.

— Вы соглашаетесь слишком легко.

— Ваши условия не мешают задаче.

— А если бы мешали?

— Мы бы искали другой способ.

Это был не красивый ответ. Красивые ответы редко выдерживали первый удар.

Лия закончила документ. Мы подписали три экземпляра. Один остался у Иланы, второй у меня, третий Эдда спрятала в железный ящик.

Над нами загрохотали шаги.

— Водосток прорван! — крикнули из коридора.

Эдда указала на круги.

— Вставайте. Левые руки на железный мост. Правыми не касаться друг друга. Принцесса, связь создаёте вы: Сера сохраняет направление между вашей магической структурой и военной печатью командующего. Командующий только открывает якорь.

— Если она решит не продолжать? — спросил я.

— Тогда вы оба уберёте руки, и я начну ругаться.

Мы встали напротив. Илана положила левую ладонь на железную полосу. Я сделал то же.

Её пальцы были белыми от холода.

— Готовы? — спросил я.

— Нет.

— Это не отказ.

— К сожалению.

Она закрыла глаза.

Золотой свет Серы прошёл по железу и коснулся военной печати присяги у основания моей шеи. Я открыл якорь ровно настолько, чтобы принять направление.

Связь возникла без вспышки.

Сначала я почувствовал только второй пульс. Быстрее моего, неровный от боли. Потом — её положение: напротив, на расстоянии вытянутой руки. Не мысли. Не чувства. Простая уверенность, где находится человек, чья жизнь временно связана с моей.

Илана распахнула глаза.

— Это странно.

— Согласен.

— Вы не обязаны соглашаться со всем.

— Я экономлю время.

Эдда коснулась чёрной линии на её руке серебряной иглой.

Метка ожила.

Боль ударила в меня вместе с Иланой. Не её боль целиком — отражение, достаточное, чтобы понять глубину. Чужая нить прошла через Нокс, зацепила Серу и тянулась наружу, к людям в водостоке.

— Вижу, — прошептала она.

— Что сохраняете? — спросила Эдда.

— Мои сигилы. Связь с Дамианом. Крепостную защиту.

— Что разрываете?

— Наводчик и внешний канал.

Первый удар пришёл снизу. Каменная дверь в коридоре выгнулась.

Я увидел три удара сердца: дверь ломается; человек с чёрным знаком бросает артефакт; взрыв накрывает стол.

— На пол!

Я рванул Илану за плечо раньше, чем успел вспомнить о её правилах. Мы упали за каменную раковину. Созданная связь удержалась: соляные круги требовались только для настройки, не для каждого следующего шага. Дверь сорвало с петель. В зал вкатился маленький металлический шар.

Илана увидела его одновременно со мной.

— Основа — корпус, — сказала она. — Разрыв — активная печать.

Белый свет Нокса ударил по шару. Золотой — удержал металл от разлёта.

Взрыва не произошло.

В дверном проёме появился человек в северной кольчуге. Лицо закрывала чёрная ткань, на руке горела грубая командная печать. За ним шли ещё двое. Они не ожидали увидеть нас за раковиной живыми и потеряли половину мгновения.

Мне хватило.

Первый удар сердца: ближайший бросится к Илане, второй попытается разбить железный мост между кругами, третий останется у двери с арбалетом.

Второй: я перехвачу клинок, но, если отойду больше чем на три шага, якорь дёрнется и собьёт Илане направление.

Третий: болт войдёт Эдде в спину.

Я метнул нож в арбалетчика. Не в человека — в ложу оружия. Сталь выбила арбалет из рук. Эдда, не оборачиваясь, швырнула ему в лицо миску с солёной водой.

— Я предупреждала, что не люблю дёргаться, — сказала она.

Первый нападавший перескочил через обломок двери. Я встретил его у самого края круга. Двигаться приходилось коротко: шаг, поворот, удар рукоятью. Связь тянула от груди к Илане, напоминая, что сейчас моя задача не победить красиво, а не разрушить направление её силы.

Он ударил снизу. Я отвёл клинок и почувствовал, как шов на груди разошёлся под перевязью. Боль вспыхнула, мир на миг раздвоился. Второе применение дара за последние часы было плохой идеей. Третье стало бы ещё хуже.

Нападавший снова пошёл вперёд. Лия подставила ему скамью. Он споткнулся, и я выбил меч.

— Архивная подготовка, — сообщила она, отступая к стене.

Второй уже рубил железную полосу, соединявшую круги. Каждый удар отзывался в связи резким толчком. Илана сидела на коленях, удерживая Нокс и Серу одновременно. Она не могла отвлечься, но всё видела.

— Левый край моста! — крикнула она. — Там его печать держится за железо!

Я ударил каблуком по руке нападавшего. Клинок упал на пол. Человек попытался схватить Илану, но золотая линия Серы вспыхнула по границе круга и отбросила его ровно настолько, чтобы Эдда приложила к его шее металлическую палочку. Военная метка на коже погасла. Он обмяк.

Третий противник поднял оружие с пола. В коридоре уже слышались наши солдаты. Он понял это раньше меня и сорвал с пояса второй шар.

Я увидел, как тот раскроется через три удара сердца.

— Илана, вниз!

Она не легла. Вместо этого закрепила золотую сеть на каменной раковине. Шар ударился о щит и завис, не долетев до круга. Белая нить Нокса перерезала печать. Металл с грохотом упал на пол.

Только тогда нападавший побежал. Сорен встретил его в коридоре.

Зато метка на её руке рванулась наружу.

Я открыл эхо удара.

Чужая сила вошла мне в плечо и грудь, обожгла военную печать. Колени подогнулись, но направление осталось стабильным.

— Сейчас! — сказал я.

Илана перерезала канал.

Чёрная линия на её коже лопнула. На мгновение весь зал погрузился в бело-золотой свет. Потом стало темно и тихо.

Слишком тихо.

Я услышал собственное дыхание и её дыхание рядом. Связь всё ещё держалась. Пульс Иланы замедлялся.

В коридоре зазвенело оружие. Сорен ворвался первым, перепрыгнул через обломок двери и остановился, увидев нас на полу.

— Я пропустил интересную часть?

— Ты пропустил шар, — сказал я.

— Тогда не жалею.

За ним двое солдат привели пленного. Ещё одного вынесли. Валериус вошёл последним, с кровью на рукаве.

— Водосток очищен, — доложил он. — Трое мертвы, двое взяты. Один пытался сжечь бумаги.

Сорен поднял с пола промокший кусок пергамента.

На нём сохранилась половина схемы: горная дорога, круг с семью лучами и знак старой звёздной станции.

— Карта? — спросила Илана.

Голос у неё дрожал, но не пропал. Первая ступень ожога, пока не вторая.

— Половина, — ответил Сорен. — Вторую унесли или уничтожили.

К моей груди вернулась боль. Я опёрся ладонью о край раковины.

Илана заметила.

— Вы приняли слишком много.

— Ровно столько, сколько требовалось.

— Это обычно говорят люди, которых через минуту унесут.

— Через две.

Я попытался подняться без помощи и тут же понял, что Эдда не преувеличивала насчёт отдачи. Пол ушёл в сторону. Связь отозвалась тревожным толчком — не страхом Иланы, а простым предупреждением: один участник договора сейчас упадёт на второго.

Она шагнула ближе и подставила плечо.

— Это не считается расширением условий, — сказала она.

— Я и не собирался вносить в договор право опираться на принцессу.

— Хорошо. На Севере и без того слишком много странных законов.

Она неожиданно протянула руку, но остановилась, не коснувшись.

— Связь можно уже разорвать?

Эдда проверила её сигил, потом мой.

— Можно. Но я бы оставила до утра. В крепости ещё могут быть проводники, а ваши каналы сейчас слишком раздражены. Решать вам обоим.

Илана посмотрела на подписанный договор, лежавший под перевёрнутой скамьёй.

— До утра, — сказала она. — На тех же условиях.

— Согласен.

В дверь появился запыхавшийся связист.

— Командующий, срочная передача из Крайса. Совет получил сведения о принцессе. Требуют доставить её в столицу к завтрашнему заседанию.

— Они быстро узнали, — сказала Лия.

Связист помедлил.

— В сообщении ещё сказано: слушание будет публичным. Южный король официально требует возвращения дочери и обвиняет Север в похищении.

Илана закрыла глаза на секунду.

— Отец тоже быстро узнал.

Слишком быстро для гонца с перевала.

Я посмотрел на половину карты, на чёрную точку, исчезнувшую с её руки, и на дверь, которую взорвали люди с нашими кодами.

Кто-то начал публичное разбирательство раньше, чем мы успели закончить первое частное.

Глава 5

Илана

Проснуться рядом с вражеским командующим оказалось менее скандально, чем могло бы показаться.

Во-первых, между нами находились две стены, коридор и возмущённая Лия. Во-вторых, связь на расстоянии передавала только направление и смертельную угрозу. В-третьих, Дамиан всю ночь провёл в лазарете, потому что Эдда запретила ему делать вид, будто ожог на груди является частью мундира.

И всё же я знала, где он находится.

Не видела, не слышала, не чувствовала его мыслей. Просто могла с закрытыми глазами указать через каменные стены: там, на двадцать семь шагов левее и ниже, упрямый северянин спорит с лекаркой.

На двадцать восьмом шаге связь начинала тянуть под рёбрами.

На двадцать девятом я начинала ненавидеть северную систему измерений.

— Не ходите туда, — сказала Лия, не отрываясь от половины карты.

— Я ещё ничего не сделала.

— Вы уже трижды посмотрели на дверь.

— Проверяю охрану.

— Дамиан в лазарете.

— Именно это и проверяю.

Она подняла голову. На столе перед ней лежали карта, копия дворцового шифра с болта, наши дорожные документы и три листа с северными кодами. За ночь Лия успела разложить их по размеру, цвету и степени политической неприятности.

Последняя стопка была самой высокой.

— Связь не передаёт мысли, — напомнила я.

— Слава звёздам. Иначе командующий уже знал бы, что вы назвали его упрямым северянином.

— Он не нуждается в магии, чтобы это выяснить.

В дверь постучали.

Дамиан вошёл в сопровождении Эдды и сразу остановился на пороге. Двадцать семь шагов превратились в шесть. Натяжение исчезло.

На нём был свежий камзол без знаков командующего, потому что Эдда разрешила предыдущий, добираясь до ожога. Под воротом виднелась белая перевязь.

— Вы должны лежать, — сказала я.

— Уже лежал.

— Сколько?

— Достаточно.

Эдда фыркнула.

— Полчаса. Потом он решил, что Совет без его личного участия немедленно распадётся.

— Я этого не говорил.

— Вы пытались встать молча. Это хуже.

Дамиан положил на стол свёрнутый документ.

— Повторное требование Совета. Мы выезжаем в Крайс через час.

— «Мы» означает всех? — спросила я.

— Вас, Лию, Эдду, Сорена, меня и охрану. Ваши раненые останутся здесь до транспортного состояния. Двое южных стражников могут ехать с вами.

— А Валериус?

— Возглавит передовой отряд.

Лия постучала пальцем по карте.

— Он видел это?

— Только то, что нашли у нападавшего. Копию заберёт Сорен, оригинал останется у вас.

Я посмотрела на Дамиана внимательнее. Он не требовал карту. Не требовал письма. Не требовал даже, чтобы Лия прекратила раскладывать северные военные коды рядом с чайником.

Это не означало доверия. Но означало, что он помнил договор.

— Что произойдёт в Крайсе? — спросила я.

— Совет решит, кто вы: дипломат, свидетель, заложница или причина начать войну ещё до обеда.

— Утешительно.

— Я стараюсь не украшать формулировки.

— Я заметила.

Эдда открыла железный ящик и достала третий экземпляр нашего договора.

— Защитную связь можно оставить до прибытия в Крайс. Ваши каналы восстановились не полностью, а за стенами крепости безопаснее не станет. Но это требует нового согласия. Вчерашний срок заканчивается после завтрака.

— У северян все магические решения привязаны к еде? — спросила Лия.

— Только разумные, — ответила Эдда. — Неразумные принимают натошак и потом жалеют.

Я провела пальцем по краю документа.

Связь была неудобной. Она заставляла учитывать Дамиана при каждом шаге, напоминала о его присутствии даже через стену и превращала обычное расстояние в предмет переговоров.

Но ночью она предупредила меня, когда в коридоре упала тяжёлая балка. Я проснулась раньше удара, успела оттащить Лию от двери и поняла: связь действительно реагировала на смертельную угрозу, а не на любое неудобство.

Она работала так, как обещали.

Пока.

— До Крайса, — сказала я. — Без изменения условий. После прибытия пересмотрим.

— Согласен, — ответил Дамиан.

Эдда записала продление и заставила нас снова поставить подписи.

Лия подождала, пока лекарка уберёт бумаги.

— Есть ещё одна проблема.

— Только одна? — спросил Дамиан.

— На ближайшие пять минут.

Она развернула северный устав Совета, который нашла в комнате среди гостевых книг. Страница была отмечена полоской ткани.

— Илану вызвали на публичное разбирательство. Но выступить она там не сможет.

— Я дипломатический представитель Элары, — сказала я.

— По северному праву — нет, — ответил Дамиан. — Ваше полномочие не подтверждено через советскую канцелярию. После засады печати на документах считаются сомнительными.

— Значит, Совет будет обсуждать мою судьбу в моём присутствии, но без моего участия?

— Вы сможете отвечать на вопросы.

— Какая щедрость.

Лия повернула книгу ко мне.

— Как иностранная принцесса вы считаетесь охраняемой стороной конфликта. Совет может передать вас нейтральному конвою или вернуть отцу, не рассматривая ваши доказательства.

— И разумеется, отец уже требует моего возвращения.

— Разумеется, — сказала Лия. — Отцы удивительно быстро вспоминают о дочерях, когда те оказываются за пределами досягаемости.

Дамиан сложил руки на груди и тут же поморщился из-за ожога.

— Я потребую предоставить вам слово как свидетелю.

— А Совет откажет, потому что вы уже нарушили приказ и заключили со мной связь.

— Вероятно.

— Вы превосходно поддерживаете надежду.

— Это работа врачей.

Эдда посмотрела на него без симпатии.

Я взяла у Лии устав и пробежала страницу. Северный закон был написан коротко и неприятно ясно. Иностранному правителю мог обратиться к Совету через признанного посла, торгового гаранта или члена семьи гражданина Альянса. Невеста избранного командующего до заключения брака получала временную защиту его области и право лично отвечать перед Советом по вопросам, затрагивающим её честь, безопасность и договорные обязательства.

Я перечитала последний пункт.

Потом ещё раз.

При южном дворе мою будущую помолвку обсуждали с шестнадцати лет. Менялись имена, торговые условия и количество земель, которое очередной советник хотел получить вместе с моей рукой. Не менялось только одно: никто не спрашивал, собираюсь ли я вообще выходить замуж за выбранного мужчину. Отец называл это долгом наследницы и каждый раз уверял, что желает мне счастья. Видимо, счастье следовало выдавать вместе с печатью канцелярии.

Предложить помолвку самой означало превратить привычное орудие давления в собственный политический ход. Цена была понятна. На Юге меня обвинят в предательстве. На Севере — в попытке получить влияние через постель командующего, даже если до его постели между нами оставалось больше стен, чем в приличной крепости. Любое будущее расторжение тоже станет публичным.

Зато Совет обязан будет услышать меня до того, как решит, кому меня передать. Впервые брачный договор мог дать мне не мужа, а голос.

Лия заметила направление взгляда и медленно улыбнулась.

— Нет, — сказал Дамиан.

— Я ещё ничего не предложила.

— Поэтому успеваю заранее.

— Недостойный способ вести переговоры.

— Зато быстрый.

Я положила устав на стол.

— Если я стану вашей официальной невестой, Совет обязан выслушать меня и не сможет передать без рассмотрения доказательств.

— Если вы объявите себя моей невестой, Южный двор сочтёт это изменой или похищением с принуждением.

— Он и так считает меня похищенной.

— Северный Совет заподозрит, что я использую вас, чтобы усилить собственную власть.

— Совет уже это подозревает.

Лия подняла палец.

— Дворцовые сплетники будут счастливы.

— Наконец-то хоть кто-то, — сказала я.

Дамиан не улыбнулся.

— Илана, фиктивная помолвка не станет частной легендой на несколько дней. Её внесут в протоколы. Ваш отец может лишить вас права представлять Элору. Совет потребует брач-

ного договора. Мои противники получают основание обвинить меня в присвоении наследницы вражеского государства.

— А мои противники попытаются вернуть меня до расследования и снова поставить рядом с людьми, которые знали маршрут засады.

Дамиан потребовал рассмотреть другие способы. Мы рассмотрели. Он мог просить Мирею дать мне статус особого свидетеля — без решения Совета она почти наверняка отказала бы. Мог оставить меня в крепости — тогда мою судьбу решили бы в Крайсе без меня и прислали конвой. Передача южной охране выглядела ещё хуже после двух засад с южными кодами.

Эдда занялась пузырьками, демонстрируя выдающийся интерес к медицине. Лия смотрела на Дамиана с профессиональным любопытством архивиста, который ждёт, когда живой человек превратится в неудобный документ.

— Значит, остаётся способ, который вам не нравится.

— Он вам тоже не должен нравиться.

— Именно поэтому выглядит честным.

Дамиан подошёл к окну. Связь мягко потянула меня следом, хотя между нами было всего несколько шагов. Он остановился, будто почувствовал то же, и повернулся.

— Скажите вслух, что именно предлагаете.

— Временную фиктивную помолвку до завершения совместного расследования или до моего добровольного отказа. Она даёт мне право слова в Совете и защиту от передачи. Не даёт вам права на мой титул, землю, тело, магию или решение о браке. Мы публично называем её политическим договором. Условия фиксируем письменно.

— Вы понимаете, что часть людей всё равно решит, будто вас принудили?

— Тогда мне придётся достаточно громко возражать.

— Ваш отец может объявить вас недееспособной из-за магического воздействия.

— Лия и Эдда засвидетельствуют, что связь не управляет волей. А я засвидетельствую, что мой отец иногда путает заботу с государственной собственностью.

Лия кашлянула в кулак.

— Я это запишу.

Дамиан долго смотрел на меня. Не как на красивую женщину — по крайней мере, я надеялась. Скорее как на мост, который мог выдержать обоз, но имел подозрительно мало опор.

— Последний вопрос, — сказал он. — Вы предлагаете это потому, что видите политическую выгоду, или потому, что считаете себя обязанной мне за связь?

— За связь вы получили ожог и головную боль. Я — возможность дойти до Совета живой. Мы уже рассчитались неудобствами.

— Это не ответ.

— Тогда точнее: я предлагаю помолвку, потому что хочу говорить от собственного имени. Вы — самый быстрый законный способ. Не льстите себе сверх меры.

На этот раз он улыбнулся. Коротко, устало и совершенно не по-дворцовому.

— Хорошо. Принимаю.

— Вы тоже соглашаетесь подозрительно легко.

— Нет. Просто понимаю, что спор уже проигран.

Лия придвинула к себе чистый лист.

— Начнём с формулировки «исключительно политическое соглашение»?

— Начнём с завтрака, — сказала Эдда. — Потом можете разрушать репутации.

Через час мы выехали из крепости.

Я ехала верхом рядом с Дамианом, потому что связь не позволяла сильно отстать, а карета после засады осталась на перевале. Лия устроилась в повозке с картой и шифрами. Сорен воз-

главлял разведку. Валериус шёл впереди колонны и ещё не знал, что к обеду его командующий станет женихом южной принцессы.

Я почти пожалела его.

Почти.

Первые полчаса дороги мы посвятили выяснению, насколько именно неудобна связь в седле. Если Дамиан ускорял коня, под моими рёбрами появлялось натяжение. Если я отставала у повозки Лии, то же ощущение возвращало меня ближе. На двадцати шагах связь молчала. На двадцати пяти напоминала о себе. На тридцати становилась похожа на слишком строгую гувернантку.

— Вы едете быстро, — сказала я.

— Вы едете медленно.

— Моя лошадь выбирает достойный темп для наследной принцессы.

— Ваша лошадь пытается украсть овёс из повозки.

Я посмотрела вниз. Кобыла действительно вытянула шею к мешку.

— У неё дипломатическая миссия.

— Тогда она единственная из нас, кто понимает задачу.

Сорен, ехавший впереди, обернулся.

— Прикажете записать это в официальное сообщение о помолвке?

— Никаких сообщений, — одновременно сказали мы с Дамианом.

Сорен усмехнулся и снова отвернулся.

У повозки Лия разложила половину карты на доске для письма. Я подъехала ближе. На пергаменте виднелся горный изгиб, круг с семью лучами и несколько мелких насечек по краю.

— Это не обычная дорожная карта, — сказала она. — Расстояния записаны звёздным шифром. Смотрите: семь лучей обозначают не направления, а часы наблюдения. Станцию можно найти только в определённое время ночи.

— Какую станцию? — спросил Дамиан.

— Старую, — ответила Лия. — Ещё до войны такие строили для сверки военных печатей присяги. Большинство закрыли после соглашения о запрете командных связей.

Сорен присвистнул.

— Удобное место для людей, которым запрет не понравился.

— На карте есть дворцовая отметка? — спросила я.

— Пока нет. Но один знак повторяет насечки на болте. Не целиком — только длинная черта с точкой. Возможно, это номер архива или владельца.

Дамиан подъехал к повозке с другой стороны.

— Не передавайте оригинал никому без нашей общей подписи.

— Даже Валериусу? — уточнила Лия.

— Особенно тем, кто имеет доступ к северным кодам.

Он произнёс это спокойно, но я услышала смысл. Валериус оставался его ближайшим офицером — и человеком, который первым отправил сигнал о моём захвате. Доказательств против него не было. Доверия без проверки теперь тоже.

— В Крайсе нам понадобится единая версия событий, — сказал Дамиан. — Засада, временная охрана, договорная связь, добровольная помолвка.

— Вы пропустили часть, где Север напал на мою делегацию под собственными знамёнами.

— Потому что нападали не северные солдаты.

— Это ещё нужно доказать Совету и моему отцу.

— Поэтому формулировка будет: «отряд в северной форме».

— Скучно.

— Зато трудно опровергнуть.

— Начинаю понимать вашу любовь к неукрашенным формулировкам.

— Я не называл это любовью.

Связь молчала. Увы, она не предупреждала о неудачно выбранных словах.

К полудню мы остановились у сигнальной станции. Дамиан отправился менять лошадей, а Лия позвала меня внутрь. Оператор зеркала держал в руках свежую ленту сообщения и выглядел человеком, которому очень хотелось оказаться неграмотным.

— Передача из Крайса, ваше высочество, — сказал он.

— Для командующего?

— Для... вас обоих.

Дамиан вошёл как раз вовремя.

Лия забрала ленту и прочитала вслух:

— «Совет Северного альянса поздравляет избранного командующего Дамиана вор-Крэйга и наследную принцессу Илану аш-Терра с объявленной помолвкой. Публичное подтверждение ожидается при въезде в Крайс».

В комнате стало тихо.

Я посмотрела на Дамиана.

— Мы никому не сообщали.

— Нет.

Оператор сглотнул.

— Передача ушла из Крайса на рассвете.

Лия перевернула ленту. На обратной стороне стояла отметка центральной станции Совета и номер протокола, присвоенный официальным сообщениям. Это была не случайная сплетня, которую весёлый связист пустил по зеркалам. Кто-то оформил помолвку как политический факт, получил доступ к советскому каналу и заранее знал, какой выход мы выберем из правовой ловушки.

— Можно подделать отметку? — спросила я.

— На самой ленте — да, — сказал оператор. — Но журнал станции хранит время и исходный ключ. Его увидят в Крайсе.

Дамиан забрал копию, не касаясь оригинала.

— Значит, нас не просто ждут. Для нас уже написали роль.

На рассвете я ещё не открывала северный устав. Дамиан лежал в лазарете. Лия спала рядом с картой, а вся наша помолвка существовала только как решение, которое никто из нас ещё не принял.

Кто-то объявил её раньше нас.

Глава 6

Илана

К утру следующего дня Крайс оказался городом, который не умел встречать гостей тихо.

Мы увидели его ещё с перевала: серые стены, пять башен Совета, крыши из тёмного сланца и длинную реку, делившую столицу Северного альянса почти пополам. Над воротами висели флаги пяти областей. Ни одного королевского знамени — привычная северная демонстрация того, что здесь никто не любит одного человека достаточно, чтобы отдать ему всю власть.

Мне эта мысль неожиданно понравилась.

Потом мы подъехали ближе, и я перестала любоваться устройством государства.

У ворот нас ждала толпа.

— Это всё к нам? — спросила Лия из повозки.

Сорен, ехавший справа, посмотрел на людей, плакаты, торговцев, двух уличных музыкантов и мальчишку, размахивавшего деревянным мечом.

— Нет. Половина наверняка пришла за пирогами.

— Успокаивает.

— Север славится выпечкой.

Я покосилась на Дамиана.

— Вы обещали крепость, а не ярмарку.

— Я обещал Крайс.

— Это хуже.

Он был всё ещё бледнее обычного после ранения и поездки, хотя старательно делал вид, что ремень перевязи под камзолом существует исключительно ради моды. Эдда запретила ему долго держаться в седле. Дамиан выслушал её, кивнул и проехал весь путь верхом.

Отличный пример северной дисциплины.

Связь между нами мягко натягивалась, когда лошади расходились дальше чем на двадцать с лишним шагов. До прибытия в Крайс я согласилась оставить её без изменений. Теперь срок заканчивался.

И именно сейчас кто-то решил превратить нашу ещё не объявленную помолвку в городское представление.

На воротах висела свежая лента:

СЕВЕР ПРИВЕТСТВУЕТ МИРНЫЙ СОЮЗ ПЯТИ ОБЛАСТЕЙ И ЭЛАРЫ.

Ниже кто-то дописал углём:

ПОКА НЕ ПЕРЕДУМАЛИ.

— Вот эту часть писал честный человек, — сказала я.

Сорен кашлянул.

Дамиан не улыбнулся, но в уголке его рта что-то дрогнуло.

У ворот нас встретила женщина лет пятидесяти в тёмно-синем платье без единого украшения. Она стояла прямо посреди дороги, и люди вокруг почему-то оставляли ей свободное пространство.

Леди Мирея вор-Крэйг.

Я знала её по донесениям: глава Северного совета, тётя Дамиана, женщина, которая однажды заставила три области пересчитать военные налоги, потому что в отчёте не сходились две бочки соли.

Человек, способный начать политический кризис из-за бочки соли, заслуживал уважения.

Она дождалась, пока мы остановимся.

— Ваше высочество.

— Леди Мирея.

Её взгляд скользнул к Дамиану, затем к моей правой перчатке и обратно.

— Совет рад, что вы прибыли живой.

— Я тоже. В последнее время это становится достижением.

— В Крайсе уже подготовлено официальное приветствие.

Я посмотрела на помост за воротами.

На нём стояли пять советников, городской глашатай и стол, покрытый белой тканью. На столе лежали два бокала, перо и свиток с лентами цветов Севера и Эллары.

— Вы подготовили договор помолвки? — спросила я.

— Мы подготовили подтверждение намерений, о которых получили официальное уведомление.

— До того, как эти намерения появились.

Мирея не моргнула.

— Именно это я намерена выяснить.

— После церемонии?

— До неё было бы удобнее. Но толпа уже видит вас.

Это прозвучало почти как извинение. Почти.

Дамиан наклонился ко мне.

— Мы можем отказаться и войти через военные ворота.

Я оглянулась.

Люди смотрели не только с любопытством. Несколько женщин держали фотографии погибших солдат на деревянных дощечках. У старика возле стены на рукаве была чёрная повязка с тремя именами. Кто-то шептал «южанка». Кто-то — «принцесса». Кто-то заметил Дамиана и начал выкрикивать, что он продал Север.

Если мы уйдём через боковой вход, слух о моей пленённой беспомощности станет правдой уже к вечеру.

— Нет, — сказала я. — Войдём здесь.

— По их сценарию?

— Разумеется, нет.

Я спешила прежде, чем капитан северной охраны успел предложить помощь.

Лия выбралась из повозки и поправила дорожный плащ.

— Какой у нас план?

— Узнать, что они собираются объявить.

— А потом?

— Исправить.

— Вот теперь я спокойна.

Мы подошли к помосту. Толпа загудела громче. Глашатай развернул свиток.

— По решению Совета областей и в подтверждение союза между избранным командующим Дамианом вор-Крэйгом и наследной принцессой Эллары Иланой аш-Терра...

— Прошу прощения, — сказала я.

Глашатай замолчал.

Несколько тысяч человек тоже попытались. Получилось хуже.

Я поднялась на помост и встала рядом с ним.

— Ваше высочество, порядок церемонии...

— Именно о порядке я и хотела поговорить.

Мирея смотрела на меня так, будто мысленно уже открыла отдельную папку.

Дамиан остановился у ступеней. Он мог вмешаться. Не стал.

Это было полезно.

Я повернулась к людям.

— Сегодня утром город получил сообщение о моей помолвке раньше, чем мы с командующим приняли такое решение.

Толпа затихла заметнее.

— Это плохая новость для нашей личной жизни, — продолжила я, — и очень хорошая для расследования. Потому что человек, который отправил сообщение, знал наш следующий политический шаг до нас самих.

Где-то справа кто-то нервно рассмеялся.

— Но поскольку мы действительно приняли это решение, я предпочитаю объявить его сама. Без чужих формулировок.

Я услышала, как Лия тихо сказала Сорену:

— Сейчас начнётся.

— Уже.

— Помолвка между мной и Дамианом вор-Крэйгом является временным политическим договором, — сказала я. — Она действует до завершения совместного расследования нападения на мою делегацию либо до моего добровольного отказа. Она не передаёт командующему права на мой титул, земли, дар или решения. Не делает меня гражданкой Севера. Не отменяет моего права обращаться к Совету лично. И уж точно не превращает меня в военный трофей.

Кто-то в толпе хлопнул.

Потом ещё кто-то.

Мирея медленно закрыла глаза на один вдох.

Глашатай выглядел так, словно хотел попросить перевода в рудники.

Дамиан поднялся на помост и остановился рядом.

— Подтверждаю эти условия, — сказал он.

— Все?

— Вы перечислили их достаточно громко.

— Я предпочитаю свидетелей.

— У вас весь Крайс.

Это прозвучало так сухо, что несколько человек снова засмеялись.

Толпа стала другой. Не дружелюбной — до этого было далеко. Но теперь люди спорили не о том, захватил ли меня северный командующий. Они спорили о том, сумасшедшая ли я, раз сама выбрала его женихом.

Прогресс бывает разным.

С площади донёсся женский голос:

— А если это ловушка?

Я повернулась. У самой ограды стояла женщина в рабочем переднике, с ребёнком на руках. Она не выглядела ни придворной сторонницей, ни человеком, которого привели сюда для красивой поддержки. Просто жительница города, которой надоело, что чужие решения падают ей на голову вместе с налогами и похоронными извещениями.

— Тогда у вас будет право сказать, что вы предупреждали, — ответила я. — Но если это не ловушка, у нас появится возможность выяснить, кто семь лет делает всё, чтобы Север и Юг продолжали хоронить людей.

По толпе прошёл шум. Уже другой — не праздничный.

— Мой брат погиб у Речного брода, — крикнул мужчина в кожаном фартуке. — Ваши сожгли обоз!

— А мой дядя погиб в шахте, которую, по нашим донесениям, обрушили северяне, — сказала я. — Именно поэтому я здесь. Либо мы наконец докажем, кто что сделал, либо ещё семь лет будем обмениваться одинаковыми обвинениями и новыми могилами.

Я не знала, поверили ли мне. И не должна была. Доверие, выданное принцессе только за титул, стоило немногим больше красивой ленты на воротах. Но несколько человек опустили плакаты. Этого хватило, чтобы понять: говорить с городом труднее, чем с Советом, и полезнее.

Мирея подошла к столу.

— Тогда Совет внесёт условия в протокол. Оба подпишут?

— После прочтения, — сказала я.

— Я уже начинаю понимать, почему дворцовые чиновники Элары стареют быстрее обычного.

— У нас просто плохой воздух.

Пока писцы переписывали документ, я заметила человека у края площади.

Он стоял слишком спокойно.

Все вокруг двигались: тянулись увидеть нас, спорили, продавали горячие лепёшки, поднимали детей на плечи. Этот мужчина не делал ничего. Серый плащ, обычная одежда, лицо человека, которого забудешь через минуту.

Но на внутренней стороне его запястья мелькнул знак.

Не врождённый сигил.

Нанесённая метка: белый круг с семью короткими лучами. Тот же условный знак наблюдения, который Лия нашла на старой карте станции.

— Дамиан, — сказала я, не поворачивая головы. — Справа от колодца. Серый плащ.

Он не посмотрел туда сразу.

— Что?

— Служебная метка наблюдательной станции. Та же, что на карте.

— Сорен.

Одного имени хватило.

Сорен исчез из моего поля зрения без суеты. Человек у колодца заметил движение через несколько секунд и шагнул назад.

Слишком поздно.

Или так мне показалось.

Толпа качнулась, когда кто-то уронил корзину. Люди заслонили обзор. Через мгновение серого плаща уже не было.

Сорен вернулся через десять минут, когда мы подписывали новый вариант протокола. На сапогах у него была синяя краска, на рукаве — красная, а выражение лица говорило, что красильщики Крайса не одобряют разведчиков, пересекающих их дворы без разрешения.

— Ушёл через красильный двор, — сказал он тихо. — Подготовленный маршрут. Дважды сменил плащ. На задней улице его ждала обычная телега с пустыми корзинами. Я не стал задерживать возницу: тот мог быть таким же управляемым человеком, как нападавшие на перевале.

— Вы видели лицо? — спросила я.

— Частично. Мужчина, около сорока. Шрам у левого уха. Но это может быть грим. Он знал, где стоят патрули Совета, и прошёл между ними так, будто видел расписание.

Мирея услышала последние слова.

— Расписание патрулей меняется каждый день. Доступ имеют городская стража, мой секретарь и штаб командующего.

Дамиан ничего не сказал, но его взгляд на мгновение стал жёстче. Ещё один список людей, который неприятно быстро сужался.

Сорен разжал ладонь.

— Нашёл только это.

Он протянул маленький кусок белой глины с оттиснутым краем знака.

— Наблюдатель оставил метку на стене? — спросила Лия.

— Или проверял, что она уже там.

Дамиан взял кусок ткани, не касаясь глины пальцами.

— В пакет улик.

Я поставила подпись под условиями помолвки.

Перед тем как отдать перо Дамиану, я добавила ещё одну строку: ни один из нас не вправе использовать объявленную помолвку для военного приказа, передачи собственности или изменения дипломатического статуса без отдельного согласия второго.

— Этого не было в первоначальном тексте, — заметил секретарь.

— Поэтому у вас новый текст.

Мирея прочла строку и кивнула.

— Разумно.

Дамиан подписал без спора.

Толпа этого не видела, но для меня именно эта короткая приписка делала происходящее терпимым. Публичная легенда могла жить своей жизнью. Договор — нет. Особенно договор, который однажды начнут цитировать люди, не присутствовавшие при его создании. Я слишком долго видела, как формулировка, произнесённая за человека однажды, потом превращалась в его обязанность навсегда.

Линия пера показалась слишком чёрной.

До этого момента легенду ещё можно было отменить тихо. Сказать, что произошла ошибка связи, недоразумение, преждевременное сообщение. Теперь весь Крайс видел, как я сама объявила условия и подписала их.

Я получила голос.

Вместе с ним — очень громкую клетку, дверь которой пока держала сама.

После церемонии нас провели во дворец Совета. Он оказался меньше королевского дворца в Эларе и гораздо неудобнее: пять одинаковых крыльев сходились в общий зал, чтобы ни одна область не могла заявить, что сидит ближе к власти.

Лия одобрила архитектуру.

— Здесь невозможно понять, кто главный.

— В этом и идея, — сказал Дамиан.

— У нас во дворце всё проще. Кто сидит выше, тот и прав.

— Очень экономит время на спорах.

В коридоре связь натянулась. Дамиан остановился.

— До прибытия в Крайс, — напомнил он.

Я тоже остановилась.

Мы больше не находились на дороге. Вокруг была охрана Совета, закрытые ворота, официальное расследование. Формально причина связи исчезла.

Но кто-то только что следил за нами в толпе. Кто-то знал о помолвке раньше нас. Доверять городским стенам после двух засад было преждевременно.

— До конца завтрашнего заседания, — сказала я. — На тех же условиях. Не больше суток. Потом пересматриваем.

— Согласен.

— И запишем.

— Я уже попросил Эдду подготовить форму.

Я посмотрела на него.

— Иногда вы пугающе удобны.

— Не распространяйте слух.

Мирея появилась в конце коридора с двумя свитками.

По её лицу я поняла: удобство закончилось.

— У меня два сообщения, — сказала она. — Первое из городской станции. Проверка исходного ключа подтверждает: поздравление с помолвкой отправлено через официальный канал Совета человеком с внутренним доступом.

— А второе? — спросил Дамиан.

Мирея протянула свиток мне.

Печать отца я узнала раньше, чем прочла первые строки.

Наследная принцесса Илана ап-Терра удерживается на территории Северного альянса против воли. Командующий Дамиан вор-Крэйг объявляется ответственным за её похищение. Королевство Элара требует немедленной передачи принцессы нейтральному конвою. В случае отказа будут приняты меры для её освобождения.

Ни слова о моём письме.

Ни слова о двух отправленных копиях.

Ни вопроса, жива ли я.

Только готовое решение.

Я подняла взгляд на Дамиана.

— Поздравляю, жених.

— С чем именно?

— Мой отец официально объявил вас похитителем.

Лия заглянула через моё плечо.

— Быстрая семья.

— Он всегда отличался решительностью.

Мирея не улыбнулась.

— Совет соберётся завтра утром. И теперь первое требование будет не о вашей помолвке.

— А о моей выдаче.

— Именно.

Я свернула свиток.

Впервые за весь день мне стало не смешно.

Глава 7

Дамиан

На следующее утро Совет Северного альянса доказал, что умеет превращать любой спор в архитектурную попытку.

Пять областей — пять длинных столов, поставленных полукругом. В центре свободное место для того, кого собирались обсуждать. Не приглашаемого. Не обвиняемого. Именно обсуждаемого.

Сегодня в центре стоял я.

Илана сидела у правого края зала как официальная невеста избранного командующего. Статус, который ещё два дня назад показался бы мне плохой шуткой, теперь давал ей право говорить без разрешения председателя.

Судя по выражению лица Мирей, она уже сожалела, что северные законы когда-то писали люди с воображением.

— Требование Элары однозначно, — сказал советник области Ледяных озёр. — Принцесса должна быть передана нейтральному конвою до конца дня.

— Нейтральному по чьему назначению? — спросила Илана.

— По совместному соглашению сторон.

— Моего согласия в соглашении нет.

— Ваше высочество, речь идёт о вашей безопасности.

— Эта фраза начинает преследовать меня чаще, чем убийцы.

Несколько советников отвели глаза. Мирей постучала ногтем по столу.

— Илана имеет право задать вопрос. Кто сформировал конвой?

Секретарь поднялся.

— Четыре человека от Северного совета, четыре от южной пограничной стражи, два представителя Звёздной обсерватории Элары. Командование нейтральное, назначено через канцелярию короля Арела.

Я посмотрел на Илану.

Она уже поняла.

— Канцелярия, — сказала она.

То же ведомство, чья маркировка была на болте. То же ведомство, где вскрыли маршрутный пакет до передачи Лии.

— Я возражаю против передачи, — сказал я.

— Разумеется, — сухо ответил советник рудников. — Иначе вам пришлось бы расстаться с невестой через сутки после объявления.

— Моя личная жизнь не входит в военный протокол.

— Уже входит.

Илана подняла руку.

— Впервые соглашусь с советником. К сожалению.

Я не стал смотреть на неё. Если начну, Совет решит, что вся моя аргументация действительно сводится к женщине рядом.

Проблема была в другом.

Семь лет войны научили Совет одному полезному правилу: тот, кто требует срочности, обычно скрывает причину. Сейчас Элара требовала выдать Илану до завершения проверки улик. Конвой сформировали через скомпрометированный канал. А человек, объявивший нашу помолвку заранее, имел внутренний доступ к системе Совета.

Я положил на стол копию ленты с раннего сообщения.

— Отправитель этого документа знал решение, которого мы ещё не приняли. Исходный ключ принадлежит внутреннему каналу Совета. Пока не установлено, кто им воспользовался, я не передам Илану людям, назначенным через второй скомпрометированный канал.

— Вы не можете единолично решить это, — сказала Мирея.

— Могу как избранный командующий в условиях угрозы охраняемому лицу.

— Могли вчера.

Тишина стала плотнее.

Мирея развернула перед собой другой документ.

— После вашего решения связать себя магическим договором с наследницей вражеского государства и публичной помолвки Совет обязан проверить конфликт интересов. До завершения проверки ваше право единоличного приказа может быть ограничено.

Вот оно.

Я ожидал этого. Всё равно неприятно.

— На какой срок?

— До трёх дней. Или до решения Совета.

— За три дня конвой увезёт её.

— Если мы его допустим.

— А если кто-то внутри Совета уже работает на тех, кто устроил засаду?

Несколько человек заговорили одновременно.

Мирея не повысила голос.

— Тогда обвинение следует подтвердить доказательством, а не недоверием ко всем вокруг.

Илана смотрела на меня внимательно. Не вмешивалась.

Это было правильно.

Я мог попытаться продать решение полномочиями. Приказать гарнизону закрыть ворота, оставить конвой за стенами и поставить охрану вокруг её комнат. Технически право ещё действовало, пока Совет не проголосовал.

И именно этим я доказал бы худшие подозрения.

Если я действительно считал, что Илана имеет право выбирать, мне придётся допустить решение, которое может оказаться не моим.

Ненавижу последовательную мораль. Она редко удобна.

— Я прошу три дня на совместную проверку конвоя и каналов связи, — сказал я. — До её завершения Илана остаётся под защитой Совета и собственного договора. Не под моим личным приказом.

Советник Ледяных озёр усмехнулся.

— А если большинство решит иначе?

— Тогда вы получите мой официальный протест и ответственность за последствия.

— Угроза?

— Документирование риска.

Илана тихо кашлянула. Я не смотрел в её сторону, но почти видел улыбку.

Мирея объявила перерыв на проверку документов.

Мы вышли в боковой зал. Сорен ждал там с тремя папками и лицом человека, которому пришлось слишком долго разговаривать с чиновниками.

— Я предпочитаю засаду, — сказал он.

— Почему?

— Там люди хотя бы честно пытаются вас убить.

Он передал мне первую папку.

— Список конвоя. Из четырёх северян двое настоящие, служат в городской страже. Ещё двоих заменили вчера вечером по распоряжению Совета.

— Чьему?

— Подпись секретаря Мирей. Он утверждает, что распоряжение пришло через стандартный канал.

— Подделка?

— Печать настоящая.

Я открыл вторую папку.

Южные пограничники числились в частях, но последние три месяца находились в отпуске по болезни. Один вообще был записан умершим две недели назад.

— Хороший конвой, — сказала Илана, подошедшая с Лией. — Особенно покойник. Надёжный человек. Никуда не убежит.

Лия взяла лист.

— Это не случайный набор имён. Все назначения подтверждены одной канцелярской линией.

Она ткнула пальцем в маленький знак у нижнего края.

Три точки и наклонная черта.

Я видел этот код раньше.

— Севрин Таэль, — сказала Илана.

— Вы уверены?

— Так маркируют документы, прошедшие через старшего канцлера. Не его личная подпись. Канал ведомства.

Лорд Севрин был ближайшим советником короля Арела и старшим куратором южной Звёздной обсерватории. Человек, которому по должности полагалось знать маршруты, коды, архивы и половину государственных секретов Эллары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.